https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-236-246
УДК 821.161.2
ББК 63.3(49=41)5
Научная статья/Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© **2026 г. В.В. Мущинская**
г. Санкт-Петербург, Россия

СЛАВЯНЕ В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА В XVIII В. – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX В.

Аннотация: Петербург считают историко-культурным феноменом. Он изначально планировался и создавался как научный центр и центр просвещения. Именно в Петербурге уже в XVIII в. активно формируется слой образованных людей, сюда стекаются лучшие художественные и научные силы со всей России и из-за рубежа. Именно «просветительская» роль Петербурга, по убеждению Д. Лихачева, определила существенные черты его культуры. Однако Санкт-Петербург — это не только историко-культурный феномен, это еще и часть общероссийского культурного пространства. Цель данного исследования состоит в том, чтобы проанализировать, какое место в культурном пространстве Санкт-Петербурга в XVIII в. – первой трети XIX в. занимали представители западных и восточных славян. Сразу после своего возникновения Санкт-Петербург становится культурным пространством, где для славян открывались новые возможности не только карьерного роста, но и интеллектуальной самореализации. «Петербургские украинцы» были активными участниками процесса становления Петербурга центром европеизма в России. Русско-чешские взаимные связи в XVIII в. – первой трети XIX в. развивались неравномерно, но поступательно. В основном, они были связаны с музыкой. Словацкое присутствие в культурном пространстве Санкт-Петербурга в XVIII в. – первой трети XIX проявлялось прежде всего не в литературе или изобразительном искусстве, а в медицине, естественных науках, картографии, академической переписке, просветительском книгоиздании. Однако они были более или менее случайными и не имели систематического характера.

Ключевые слова: культурное пространство, Санкт-Петербург, восточные славяне, западные славяне

Информация об авторе: Виктория Владиславовна Мущинская — кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., д. 9–11, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-0667-8990
E-mail: v.mushinskaya@spbu.ru

Дата поступления статьи: 11.07.2026
Дата одобрения рецензентами: 19.08.2026
Дата публикации: 25.09.2026

Для цитирования: *Мущинская В.В.* Славяне в культурном пространстве Санкт-Петербурга в XVIII в. – первой трети XIX в. // Вестник славянских культур. 2026. Т. 81. С. 236–246. https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-236-246

Тема возникновения и развития Петербурга относится к числу хорошо исследованных и освещенных страниц российской истории. Но, как отмечает А.С. Запесоцкий: «если основные элементы петербургской исторической фактологии постепенно становятся бесспорными, то это совершенно невозможно констатировать в отношении общей оценки роли и места Петербурга в истории страны и ее культуры» [6, с. 193].

Петербург называют историко-культурным феноменом. Он изначально планировался и создавался как научный центр и центр просвещения. Распространенным является взгляд на Петербург как на «своего рода огромный портал, при посредстве которого Россия могла бы знакомиться с ценностями и новинками европейской, в основе своей романо-германской цивилизации» [13, с. 5].

Однако Санкт-Петербург — это не только историко-культурный феномен, это еще и часть общероссийского культурного пространства. С точки зрения А.И. Александровского культурное пространство «может трактоваться как определенная географическая территория, культурный ареал, обладающая своими культурными особенностями» [1, с. 25].

Как подчеркивает Е.В. Орлова, «культурное пространство обнаруживает себя как некую материальную и духовную реальность. Осваивая пространство, насыщая его знаками и значениями, культура осмысляет его природные признаки. Изначально чисто топологические признаки перерабатываются в так называемую «вторую природу» — культурное пространство. Человек, как творец культуры, творит и пространство своего обитания» [10, с. 5].

Таким образом, культура как «вторая природа» создается человеком и социумом, а следовательно, обязательным условием существования культурного пространства является человек и его деятельность.

С другой стороны, как считает А.Н. Быстрова «культурное пространство — это также пространство реализации человеческой виртуальности (задатков, возможностей способностей, желаний и пр.), осуществления социальных программ, целей и интересов, распространения идей и взглядов, языка и традиций, верований и норм, и т. д.» [2, с. 39].

В отношении Российской империи, с точки зрения С.Н. Иконниковой, следует говорить о так называемой «архитектонике культурного пространства», в его многомерности и динамизме. Культурное пространство органично сочетает историческую преемственность, непрерывность и дискретность [7, с. 34].

Именно в Петербурге уже в XVIII в. активно формируется слой образованных людей, сюда стекаются лучшие художественные и научные силы со всей России и из-за рубежа. Развитие научных и учебных заведений здесь происходит чрезвычайно быстрыми темпами.

Цель данной статьи — рассмотреть, какое место в культурном пространстве Санкт-Петербурга в XVIII в. – первой трети XIX в. занимали представители западных и восточных славян.

Украинцы в Санкт-Петербурге

В XVIII в. усиливается отток украинцев из Левобережной Украины в Россию и, частности, в Санкт-Петербург. Это учащиеся и студенты, представители духовен-

ства, учителя, переводчики и делопроизводители. Выходцы из Малороссии преподают в духовных или светских учебных заведениях, работают переводчиками, канцеляристами и копиистами в Синоде, Сенате или Коллегии иностранных дел и др. Это связано с тем, что «экономическая и социальная интеграция населения Малороссии с 20 гг. XVIII в. в состав империи, оказала ощутимое воздействие на общественное сознание малороссиян и привела к повышению привлекательности великорусской карьеры» [9, с. 73–74]. С конца XVIII в. Санкт-Петербург становится одним из центров новой украинской словесности. Выходцы с Левобережной Украины являются издателями многих популярных журналов в период 1760–1780 гг.

Так, очень известным писателем и издателем был Рубан Василий Григорьевич (1742–1795). Издавал журналы: «Ни то, ни се», «Трудолюбивый муравей», «Старина и новизна». Начиная с 1773 г., В.Г. Рубан издал следующие собственные сочинения: 1773 г. «Краткие географические, политические и исторические известия о Малой России, с приобщением украинских трактатов и известий о почтах, також списка духовных и светских тамо находящихся ныне чинов, числе народа и пр.». Это издание имело успех и уже в 1777 г. потребовалось его второе издание, а одновременно В. Рубаном была составлена и издана в Петербурге «Краткая летопись Малыя России с 1506 по 1776 год, с изъявлением настоящего образа тамошнего правления и с приобщением списка прежде бывших гетманов, генеральных старшин, полковников и иерархов, також землеописания, с показанием городов, рек, монастырей, церквей, числа людей, известий о почтах и других нужных сведений». Самому Рубану в «Краткой летописи» принадлежит главным образом редакционная обработка, так как летописный свод событий до 1734 г. был прислан ему Георгием Конисским; более поздние события и списки начальствующих лиц сообщил А.А. Безбородко, а землеописание и прочие сведения составил кто-то из Украины. В виде дополнения к «Краткой летописи» в том же году появилось «Землеописание Малыя России, изъясняющее города, местечки, реки, число монастырей и церквей и сколько где выборных казаков, подпомощников и посполитых по ревизии 1764 года находилось». Это «Землеописание» начинается топографическим очерком Малороссии и содержит довольно много статистических сведений. Подробнее других описан Полтавский полк, почти о всех городах которого приведены краткие исторические данные; в конце «Землеописания» был приложен алфавитный географический указатель.

Журнал «Санкт-петербургский вестник» (1778–1781) издавал Брайко Григорий Леонтьевич (род. в нач. 1740 гг. – 1793) вместе с Я.Б. Княжниным и Б.Ф. Арндтом. В журнале активно пропагандировались конституционные идеи, печатались призывы облегчить участь крепостных; важное значение имел критико-библиографический отдел.

Журналы «Зеркало света» (1786–1787 гг.), «Лекарство от скуки и забот» (1786–1787 гг.), «Детский месяцеслов с краткою историею, географиею и хронологиею всеобщею и российскою и примечания из астрономии» (1787, 1792–1794 гг.) издавал Федор Осипович Туманский (1757–1810). Особо следует отметить журнал «Российский магазин». В этом издании печатались статьи по истории и топографии Санкт-Петербурга и его окрестностей, генеалогии знаменитых русских дворянских родов, этнографические исследования. Здесь же Туманский опубликовал «Летописец Малыя России», к которому добавил небольшое дополнение в виде комментария «Изъяснение малороссийских речений в предшедших листах», где он пояснял значение непонятных слов.

В российской историографии Григорий Андреевич Полетика (1725–1784) фигурирует прежде всего в контексте книжной культуры второй половины XVIII в. А кроме того, как подчеркивал Н.М. Василенко, «Григорий Андреевич прямо или косвенно содействовал пробуждению в малорусской интеллигенции того стремления к самосознанию, которое выразилось в изучении прошлого и настоящего малорусскаго народа» [3, с. 237]. Исследователь Т.Ф. Литвинова подчеркивает, что «пример Г.А. Полетики интересен также с точки зрения изучения проблемы формирования единого российско-украинского культурно историографического пространства. Характерно, что в письмах Григория Андреевича из северной столицы (при всем его очевидном украинском патриотизме) не встречается мотивов "ностальгии" или же антитезы "они — мы", нет неприятия южанином "болотного, низкооблачного, сумрачного Петербурга", то есть ничего такого, что станет чуть ли не обязательным у последующих поколений. И этому не следует особенно удивляться, поскольку человек эпохи Просвещения, такой как Г.А. Полетика (да и другие), растворен в культуре Просвещения и в стилистике классицизма. Эта "растворенность" облегчала процесс «вписывания в российское интеллектуально-культурное пространство, а также в ту его часть, которая испытывала на себе мощное воздействие просветительско-классицистских импульсов» [8, с. 84].

В 1798 г. было опубликовано сочинение «Записки о Малороссіи, ея жителяхъ и произведеніяхъ» Якова Михайловича Марковича (1776–1804). При подготовке труда Маркович использовал сборники материалов, собранные Адрианом Чепой. В этом произведении Маркович описал историю Малороссии с древнейших времен до первой половины XI в.: быт, фольклор, способ ведения хозяйства, государственно-политическое устройство Гетманщины, а также природу и историю Малороссии. Эта книга должна была стать началом историко-географического описания Малороссии, но работа осталась незавершенной. Кроме того, он начал составлять словарь, который также остался незаконченным.

В 1777 г. в Санкт-Петербурге опубликована первая работа по украинской этнографии Гр. Калиновского «Описаніе свадебныхъ украинскихъ простонародныхъ обрядовъ, въ Малой Россіи и въ Слободской Украинской губерніи, такожъ и въ великороссійскихъ слободахъ, населенныхъ малороссіянами, употребляемыхъ».

В 1798 г. публикуется «Энеида» И.П. Котляревского. В 1818 г. «Грамматика малороссійскаго нарѣчія» А.П. Павловского. В 1819 г. «Опытъ собранія старинныхъ малороссійскихъ песней» М. Цертелева.

Особое внимание следует уделить Словарю Академии Российской (СПб., 1789–1794). В Словаре можно обнаружить заимствования из украинского языка, которые, в зависимости от закрепления их в русском языке, делятся на две группы. Часть слов, включенная составителями в словарь, позднее выпала из русского языка, напр. балакаю — 'простон. Говорю что неважное, разговариваю о дѣлахъ маловажныхъ. Мы увидѣвшись съ нимъ побалакали' [12, т. 1, с. 87], гай — 'сл. старин. Роща. Слово сие во многихъ Славенскихъ нарѣчіяхъ и въ Малороссии донынѣ употребительно' [13, т. 2, с. 16] и др. В словаре В. Даля эти слова сопровождаются пометой «юж.», «юж. зап.». В «Толковом словаре русского языка» под ред. Д.М. Ушакова подобного рода слова уже не находим. Вторая группа слов в Словаре Академии Российской– это слова, которые не выпали из русского литературного языка, но и не стали широко употребительными, т. к. обозначают специфические украинские реалии, напр. горѣлка — 'в Малороссии так называется хлебное, простое вино' [13, т. 2, с. 262], гетьман — 'так назывался главный начальник над Малороссийским козацким войском' [13, т. 2, с. 36], курень — 2.

У запорожских казаков называлось строение, состоящее из одного большого и разных малых домов в одном месте [14, т. 3, с. 1088] и др.

Украинские стихи и народные песни, распространяясь в устной форме, стали закрепляться в рукописных сборниках. Первые печатные русские сборники-песенники XVIII – нач. XIX вв. включают достаточно большое количество украинских песен. Так М. Сперанский насчитал в 30 песенниках от 80 до 380 малороссийских песен [12, с. 128–129]. В «Сборнике пѢсенъ», изданном Н.И. Новиковым в 1778 г., украинских песен — 21, среди них: «Да орал мужик при дорозѢ», «Ах, под вишнею, под черешнею», «Видкиль идешь? От Дунаю» и др. В песеннике «Молодчик з молодкою на гуляньѢ с пѢсельниками, поющими новыя пѢсни» (1790) — 15 украинских песен, среди них: «Била жинка мужика», «Черешенька, вышенька, наробыла лишенька» и др. [12, с. 128–129]. Украинские народные песни и стихи в русских рукописных и печатных сборниках второй половины XVIII – начала XIX вв. свидетельствуют о близости и понимании их русским народом.

Чехи в культурном пространстве Санкт-Петербурга

Немало выходцев из чешских земель Австрийской империи и Саксонии привлекала Россия. Они прибывали с желанием послужить ей, воспользоваться возможностью реализоваться в профессии и улучшить свое материальное положение. Прибывшие на русскую землю богемцы были представителями разных общественных слоев: не только обычные люди, но и армейцы, высококвалифицированные специалисты, представители творческих профессий [11, с. 3].

И.М. Порочкина и И.В. Инов в книге «Чехи в Петербурге» отмечают, что в исторической памяти русского народа ярче всего запечатлелась деятельность чешских музыкантов на территории России [11, с. 7].

В 1748 г. в оркестр графа А.П. Бестужева-Рюмина был приглашен Ян Антон Мареш (1719–1794) — валторнист, виолончелист, композитор. С 1752 г. Мареш служил при царском дворе. Известен как создатель так называемого русского рогового оркестра. Более двадцати лет возглавлял Придворный оркестр роговой музыки.

У истоков петербургского Филармонического общества стоял Антонинт Булант (1751–1821). Проявил себя как талантливый организатор русской музыкальной жизни. Среди написанных им произведений наибольшую популярность завоевала опера «Сбитенщик» (1783), которая принадлежит к популярным произведениям русского музыкального театра XVIII в.

Одним из организаторов музыкальной жизни в России был Арношт Ванчура (1750 – ок. 1801) — композитор, музыкант-исполнитель. В Эрмитажном театре 27 сентября 1787 г. состоялась премьера его комической оперы «Доблестный и смелый герой Архидиетич». Одним из первых он стал издавать музыкальный альманах.

В историю русской музыки вошел своими сочинениями для фортепиано Игнатий Францевич Гельд (1784–1816). Написал учебник игры на фортепиано.

Учеником российского певца, гусляра, композитора, собирателя народных песен В.Ф. Трутовского был Иван Богумир Прач (? – ок. 1815). Он получил известность как прекрасный педагог и методист. В 1790 издал сборник записанных им русских народных песен в обработке для голоса и фортепиано (некоторые напевы взяты из собрания В.Ф. Трутовского, ч. 1–3, 1776), составленный совместно с Н.А. Львовым — автором вступительной статьи к сборнику, которая явилась первым научным

трактатом о русской народной музыке. В сборнике традиционные русские песни впервые названы народными и систематизированы по жанрам. Мелодии песен снабжены фортепианным сопровождением.

Первую российскую картинную галерею для всеобщего обозрения устроил Мартин Фердинанд Квадаль (Хватал) (1736–1808) — художник, автор картины «Коронация Павла I и Марии Федоровны».

Известный чешский филолог и историк, видный деятель чешского Просвещения и национального возрождения Йозеф Добровский (1753–1829) посетил в 1792–1793 гг. с научными целями Швецию и Россию, где изучал языки и литературы славянских народов. Результаты его научной поездки были кратко изложены в книге, опубликованной в Праге в 1796 году: „Litterarische Nachrichten von einer Reise nach Schweden und Russland". 17 августа 1792 г. Й. Добровский прибыл в научную командировку в Санкт-Петербург. Ученый работал в Библиотеке Императорской Академии наук, где сделал собственное описание древнерусских рукописей и старопечатных книг. В настоящее время этот список хранится в Библиотеке Народного музея в Праге.

Ученый также занимался в библиотеке Александро-Невской лавры и в «Собрании российских древностей» А.И. Мусина-Пушкина, ознакомился с собранными в Синоде по указу Екатерины II от 11 августа 1791 г. древними рукописями, привезенными из различных монастырей и церквей. Имеются основания предполагать, что, находясь в Петербурге, Й. Добровский мог видеть в «Собрании российских древностей» Мусина-Пушкина рукопись «Слова о полку Игореве». Общеизвестно, что ученый считал «Слово о полку Игореве» величайшим памятником древнерусской литературы. Й. Добровский писал: «Поэма об Игоре, рядом с которой ничего нельзя поставить!» Под руководством Й. Добровского его учениками и коллегами (Й. Юнгманом, В. Ганкой, Й. Мюллером, С. Рожнаем) были осуществлены самые ранние в Европе переводы «Слова о полку Игореве». В 1820 г. ученый стал членом Российской Академии наук и Вольного общества любителей российской словесности в Санкт-Петербурге.

Иоахим Штернберк (1755–1808) провел в России семь месяцев. По возвращении на родину ученый издал написанные им на основе собственных дневников книги «Путешествие из Москвы через Софию в Кенигсберг» (1793) и «Замечания о России на основании путешествия, предпринятого в 1792–1793 гг. (1794).

Под российскими знаменами в XVIII в. служили выходцы из чешских земель. Так, важную для России победу под Нарвой (1702) одержал выходец из Моравии генерал Георг Бенедикт Огильви (1651–1710).

На русскую службу был принят Вейсбах Иоганн-Бернард (Девейсбах, Вейзбах, WeißbachJohann-Bernhard) (1665–1735) полковник, командир Белгородского драгунского полка, бригадир (1707), генерал-майор (1709), генерал-поручик (1718), выполнял дипломатические поручения (1718), член Военной коллегии, генерал-лейтенант, генерал от кавалерии (1725), командующий Украинским корпусом, граф (1726), командующий Низовым корпусом (1730), генерал-губернатор Киева (1731), умер во время подготовки похода в Крым (РИО. 11. С. 440; справочники; РГВИА. 489. Оп. 1. Д. 7395. Л. 31).

Так же известен Франц Николаевич Кличка (1730–1786) — генерал-поручик; Иркутский, Новгородский, Курский и Орловский генерал-губернатор. Кличка усердно занимался культурно-просветительской работой. Он часто бывал в Санкт-Петербурге, добиваясь аудиенции у Екатерины II по делам иркутской губернии, в которой учредил ряд библиотек и музеев [11, с. 132].

Уроженцы словацких земель в культурном пространстве Санкт-Петербурга

Словацко-российские культурно-просветительские и научные контакты в XVIII в. были весьма разнообразны. Их развитие зависело, как правило, от конкретных политических, общественно-социальных или территориальных условий. Научная корреспонденция, обмен взглядами и научные связи в разных отраслях гуманитарных и естественных наук осуществлялись по инициативе ученых и сыграли важную роль в развитии просветительства и культуры в странах Центральной и Восточной Европы [4, с. 20].

Переписка петербургских академиков с иностранными коллегами является ценным материалом для изучения отношений между российской и словацкой наукой. Она показывает, что у истоков этих связей уже в первой половине XVIII в. стояли словацкие ученые Матей Бел и Самуэль Миковини, а также русские ученые Готлиб Зигфрид Байер, Христиан Гольдбах и Иоганн Георг Гмелин. Матей Бел одним из первых осознал важность нового научного центра в Европе — Петербурга, пытался организовать обмен книгами, рукописями и научной информацией. Хотя Бел в Петербурге постоянно не жил, без него невозможно описать включение словацкой науки в международное пространство Петербургской академии наук.

В 1718 г. в Санкт-Петербург приехал врач и натуралист, уроженец Спишских Влахов Ян Моллетер (Миллетер, Малетер) для участия в создании минералогической коллекции. Вероятно, его работа была связана с формированием естественно-научных собраний новой российской столицы. По неясным причинам он не завершил начатое и примерно через год вернулся в Левочу. Моллетера можно рассматривать как одного из первых документально известных специалистов со словацких земель, привлеченных к созданию научной и музейной инфраструктуры Петербурга.

Первым врачом-словаком, работавшим в России во второй половине XVIII в., был Пал Дьендьеши (1707–1770). В 1753 г. он получил назначение на должность врача в Петербургском морском госпитале, затем — на должность главного врача морского шляхетного кадетского корпуса — одного из наиболее привилегированных учебных заведений России. Занимался преподавательской деятельностью и участвовал в подготовке врачебных кадров. В 1763 г. Дьендьеши было пожаловано звание придворного доктора [5, с. 102–108].

Еще более выдающейся была карьера Христиана Пекена (1731–1779) на российской медицинской службе. Он начал карьеру с должности военного врача в Петербурге, а затем в Москве. После возвращения в Петербург он стал главным врачом в госпитале. После учреждения государственной медицинской коллегии Христиан Пекен получил там место секретаря. Для Пекена это было важным событием и означало проявление доверия, которое он заслужил бескорыстной работой и обширной публикационной деятельностью. Коллегия должна была контролировать степень квалификации работающих врачей и давать рекомендации и оценки по медицинским вопросам. Каждый медик, который принял решение работать по специальности на территории Российского государства, должен был выдержать специальный экзамен в коллегии [4, с. 39]. Работая в приемной комиссии коллегии, Христиан Пекен таким образом проверил квалификацию десятков врачей, который решили практиковать в России.

В 1770 г., когда в России вспыхнула эпидемия чумы, Пекен помогал принимать меры по предотвращению распространения заразы. За большой вклад в развитие медицины в России Екатерина II в 1779 г. назначила его лейб-медиком [там же]. Под его руководством был составлен и опубликован первый русский лечебник “Pharmacopea

Rossica", который стал ценным и популярным помощником в русской медицинской практике. Лечебник рассылался всем больницам, аптекам и практикующим лекарям. Христиан Пекен писал и популярно-просветительские книги для простого народа по медицине о способах лечения разных заболеваний. На протяжении нескольких лет вышли четыре издания его «Домашнего лечебника», в количестве от 2 до 7 тысяч экземпляров, что по тем временам считалось огромным тиражом. В этой объемной книге, которая была издана на русском языке, Пекен последовательно упомянул обо всех факторах, влияющих на здоровье. В отдельных главах книги он охарактеризовал способы лечения различных наиболее распространенных заболеваний наиболее доступными средствами. Отдельную часть книги составляла «Домашняя аптечка», в которой он перечислил множество наиболее известных лекарств, как в виде порошков, так и солей, эликсиров, эссенций и масел самого разного состава. Там же он описал и рецепты по их приготовлению и рекомендации по их применению [4, с. 40].

Матвей Пекен (1755–1819) — сын Христиана Пекена, родился в Санкт-Петербурге. Получил образование в Геттингене, где стал доктором медицины, после чего вернулся в Россию. Работал в Санкт-Петербургском генеральном адмиралтейском госпитале, преподавал акушерство и другие медицинские дисциплины. В конце 1780-х – начале 1790 гг. Матвей Пекен участвовал в подготовке проекта высшего медицинского училища и руководил устройством его здания на Аптекарском острове. Он также занимался переводом и подготовкой медицинской учебной литературы. Как отмечает М. Даниш: «словацко-русские связи в области медицины имеют особый характер, проистекающий из характера медицинской науки. Эта наука своей практической ориентацией главным образом в XVIII столетии, когда было много войн и появлялись неизвестные болезни, давала возможность врачам решать проблемы здравоохранения. Если в силу разных причин они не могли реализовать себя на родине, то уезжали за границу [4, с. 41].

Таким образом, Санкт-Петербург становится тем культурным пространством, где для славян открывались новые возможности не только для карьерного роста, но и для интеллектуальной самореализации. «Петербургские украинцы» были активными участниками процесса становления Петербурга центром европеизма в России.

Русско-чешские взаимные связи в XVIII в. — первой трети XIX в. развивались неравномерно, но поступательно. В основном, они были связаны с музыкой. Как отмечают И.М. Порочкина и И.В. Инов «творческой энергии чешских музыкантов хватило с избытком и на Россию» [11, с. 7].

Словацкое присутствие в культурном пространстве Санкт-Петербурга в XVIII в. — первой трети XIX проявлялось прежде всего не в литературе или изобразительном искусстве, а в медицине, естественных науках, картографии, академической переписке, просветительском книгоиздании. Однако эти связи были более или менее случайными и не имели систематического характера.

Таким образом, культурное пространство Санкт-Петербурга хранит память о деятельности украинцев, чехов и словаков, которые внесли свой вклад в его развитие.

Список литературы

Исследования

1 *Александровский А.И.* «Украинский вопрос» в культурном пространстве Российской империи первой половины XIX в.: дис. … канд. культурологии. М., 2019. 170 с.

2 *Быстрова А.Н.* Культурное пространство как предмет философской рефлексии // Философские науки. 2004. № 12. С. 24–40.
3 *Василенко Н.М.* К истории малорусской историографии и малорусского общественного строя // Киевская старина. 1894. Ноябрь. С. 264–270.
4 *Даниш М.* Из истории словацко-российских связей в XVIII веке // Запад — Восток. 2017. № 10. С. 2047.
5 *Егоров А.В.* Забытые страницы из истории российско-венгерских научных связей в эпоху просвещения: Пал Дьендьеши // Ежегодник финно-угорских исследований. Ижевск: Издат. центр «Удмуртский университет», 2026. Т. 10, вып. 4. 188 с.
6 *Запесоцкий А.С.* Культура: взгляд из России. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского Гуманит. ун-та профсоюзов; М.: Наука, 2014. 848 с.
7 *Иконникова С.Н.* История культурологических теорий. 2-е изд., доп., перераб. СПб.: Питер, 2005. 474 с.
8 *Литвинова Т.Ф.* Григорий Андреевич Полетика: «Публичный интеллектуал» второй половины XVIII в. // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2015. №2 (6). С. 79–86.
9 Малороссы vs украинцы: Украинский вопрос в науке, государственной и культурной политике Российской империи и СССР. Очерки. Колл. монография. М.: Изд-во ИСл РАН, 2018. 528 с.
10 *Орлова Е.В.* Культурное пространство: определение, специфика, структура // Аналитика культурологии. 2010. Вып. 3 (18). С. 1–12.
11 *Порочкина И.М., Инов И.В.* Чехи в Санкт-Петербурге. СПб.: Глобус, 2003. 160 с.
12 *Сперанский М.* Малорусская пѢсня в старинныхъ русскихъ печатныхъ пѢсенниках // Этнографическое обозрѢние. 1909. №2–3. М.: Изд. Этнографическаго ОтдѢла Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Московскомъ университетѢ, 1910. С. 120–144.
13 *Спивак Д.Л.* Метафизика Петербурга. Французская цивилизация. СПб.: Алетейя, 2005. 527 с.

Источники

14 Словарь Академии Российской 1789–1794. М.: Изд-во Моск. гуманит. ин-та им. Е.Р. Дашковой, 2001. Т. 1: А-В. 688 с.
15 Словарь Академии Российской 1789–1794. М.: Изд-во Моск. гуманит. ин-та им. Е.Р. Дашковой, 2002. Т. 2: Г-Ж. 744 с
16 Словарь Академии Российской 1789–1794. М.: Изд-во Моск. гуманит. ин-та им. Е.Р. Дашковой, 2002. Т. 3: З-Л. 832 с.

***

© 2026. Victoriia V. Mushchinskaia
St. Petersburg, Russia

SLAVS IN THE CULTURAL SPACE OF ST. PETERSBURG IN THE 18TH CENTURY – THE FIRST THIRD OF THE 19TH CENTURY

Abstract: The paper considers St. Petersburg as a historical and cultural phenomenon. He it was originally planned and created as a scientific and educational center. It was in St. Petersburg that, already in the 18th century, a stratum of educated people was actively forming, and the best artistic and scientific forces from all over Russia and abroad flocked here. According to D. Likhachev, it was the "enlightenment" role of St. Petersburg that determined the essential features of its culture. However, St. Petersburg is not only a historical and cultural phenomenon, it is also a part of the all-Russian cultural space. The purpose of this study is to analyze what place in the cultural space of St. Petersburg in the 18th century — the first third of the nineteenth century was occupied by representatives of Western and Eastern Slavs. Immediately after its inception, St. Petersburg became a cultural space where new opportunities opened up for Slavs not only for career growth, but also for intellectual self-realization. The St. Petersburg Ukrainians were active participants in the process of St. Petersburg becoming the center of Europeanism in Russia. Russian-Czech mutual relations in the 18th century and the first third of the 19th century developed unevenly, but steadily. They were mostly related to music. The Slovak presence in the cultural space of St. Petersburg in the 18th century and the first third of the 19th century was manifested primarily not in literature or the visual arts, but in medicine, natural sciences, cartography, academic correspondence, and educational book publishing. However, they were more or less random and did not have a systematic character.

Keywords: cultural space, St. Petersburg, Eastern Slavs, Western Slavs

Information about the author: Victoriia V. Mushchinskaia — PhD in Philology, Docent, Saint Petersburg State University, Universytetskaya Emb., 9–11, 199034 St. Petersburg, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-0667-8990
E-mail: v.mushinskaya@spbu.ru

Received: July 11, 2026
Approved after reviewing: August 19, 2026
Date of publication: September 25, 2026
For citation: Mushchinskaia, V.V. "Slavs in the Cultural Space of St. Petersburg in the 18th Century – the First Third of the 19th Century." *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 81, 2026, pp. 236–246. (In Russ.) https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-236-246

References

1 Aleksandrovskii, A.I. *"Ukrainskii vopros" v kulturnom prostranstve Rossiiskoi imperii pervoi poloviny XIX v.* [*The "Ukrainian Issue" in the Cultural Space of the Russian Empire in the First Half of the 19th Century": PhD Dissertation Thesis*]. Moscow, 2019. 170 p. (In Russ.)

2 Bystrova, A.N. “Kulturnoe prostranstvo kak predmet filosofskoi refleksii” [“Cultural Space as a Subject of Philosophical Reflection”]. *Filosofskie nauki*, no. 12, 2004, pp. 24–40. (In Russ.)

3 Vasilenko, N.M. “K istorii malorusskoi istoriografii i malorusskogo obshchestvennogo stroia” [“Towards the History of Little Russian Historiography and the Little Russian Social System”]. *Kievskaia starina*, November, 1894, pp. 264–270. (In Russ.)

4 Danish, Miroslav. “Iz istorii slovatsko-rossiiskikh sviazei v XVIII veke” [“From the History of Slovak-Russian Relations in the 18th Century”]. *Zapad — Vostok*, no. 10, 2017, pp. 20–47. (In Russ.)

5 Egorov, A.V. “Zabytye stranitsy iz istorii rossiisko-vengerskikh nauchnykh sviazei v epokhu prosveshcheniia: Pal Dendeshi” [“Forgotten Pages from the History of Russian-Hungarian Scientific Relations in the Age of Enlightenment: Pal Gyongyoshi”]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanii*, vol. 10, is. 4, Izhevsk, Izdatelskii tsentr “Udmurtskii universitet”, 2026. 188 p. (In Russ.)

6 Zapesotskii, A.S. *Kultura: vzgliad iz Rossii* [*Culture: View from Russia*]. Izd-vo Sankt-Peterburgskogo Gumanit. un-ta profsoiuzov; M.: Nauka, 2014. 848 p. (In Russ.)

7 Ikonnikova, S.N. *Istoriia kulturologicheskikh teorii* [*The History of Cultural Theories*]. 2-e izd., dop., pererab. SPb.: Piter, 2005. 474 p. (In Russ.)

8 Litvinova, T.F. “Grigorii Andreevich Poletika: ‘Publichnyi intellectual’ vtoroi poloviny XVIII v.” [“Grigory Andreevich Poletika: ‘Public Intellectual’ of the Second Half of the 19th Century”]. *Vestnik Omskogo universiteta*. Seriies: Istoricheskie nauki [History], no. 2 (6), 2015, pp. 79–86. (In Russ.)

9 *Malorossy vs ukraintsy: Ukrainskii vopros v nauke, gosudarstvennoi i kulturnoi politike Rossiiskoi imperii i SSSR* [*Little Russians vs Ukrainians: The Ukrainian Question in Science, State and Cultural Policy of the Russian Empire and the USSR*]. *Ocherki. Koll. monografiia*. M.: Izd-vo ISl RAN, 2018. 528 p. (In Russ.)

10 Orlova, E.V. “Kulturnoe prostranstvo: opredelenie, spetsifika, struktura”. [“Cultural Space: Definition, Specifics, Structure”]. *Analitika kulturologii*, vol. 3 (18), 2010, pp. 1–12. (In Russ.)

11 Porochkina, I.M., Inov, I.V. *Chekhi v Sankt-Peterburge* [*Czechs in St. Petersburg*]. SPb.: Globus, 2003. 160 p. (In Russ.)

12 Speranskii, M. “Malorusskaia pЂsnia v starinnykh russkikh pechatnykh pЂsennikakh” [“Malorossiiskie Songs in Old Russian Printed Songbooks”]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 2-3, 1909. Moscow, Izdanie Etnograficheskogo Otdela Imperatorskogo Obshchestva Liubitelei Estestvoznaniia, Antropologii i Etnografii, sostoiashchego pri Moskovskom universitete Publ., pp. 120–144. (In Russ.)

13 Spivak, D.L. *Metafizika Peterburga. Frantsuzskaia tsivilizatsiia* [*Metaphysics of St. Petersburg. French civilization*]. SPb.: Aleteiia, 2005. 527 p. (In Russ.)